

Илья Рясной

МЯТЕЖНЫЙ РЕГИОН

16+

Илья Рясной

Мятежный регион

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рясной И. В.

Мятежный регион / И. В. Рясной — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Все совпадения с реальными лицами и фактами неслучайны. В книге со знанием дела, с документальной точностью, описываются нелегкие будни уголовного розыска на только что освобожденной в 2000 году от бандитов территории, а также затрагиваются актуальные проблемы борьбы с терроризмом. Некоторые моменты, происходящие в книге, трудно поддаются осмыслению, но все это было. В книге имеются ссылки на преступления ИГИЛ (данная террористическая организация запрещена на территории Российской Федерации).

© Рясной И. В., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Глава первая

Тревожное лето

Каждое утро после летучки я иду в дежурку Главного управления уголовного розыска МВД России и получаю для ознакомления пачку сводок – по Москве и Московской области, в целом по России. И, перелистывая их, ощущаю, как бьётся криминальный пульс страны. Убийства, квалифицированные разбои.

В обобщённые сводки дежурной части МВД России обычно попадают душегубства с тремя и более жертвами, вооружённые налёты и прочие лихие и часто кровавые дела нашего родного российского криминалитета. Самый тревожный раздел – это обстановка на Северном Кавказе. Отдельный пункт – зона проведения контртеррористической операции, Чеченская республика.

Магия отпечатанных на принтере строчек завораживает. Будто наяву представляешь разрывы гранат, стоны боли. Понимаешь, что за этими буквами стоят кровь, лихое отчаянье сражений и схваток. Там идёт война.

«15 мая 2000 года в населённом пункте Чурч-Ирзу Ножай-Юртовского района при проведении оперативно-поисковых мероприятий сотрудниками МВД России в тайнике обнаружено и уничтожено: пять гранатомётов, огнемёт, восемь выстрелов к гранатомётам различных типов, ручная граната, 5 кг 200 г тротила»...

«В Ленинском районе города Грозного в частном доме после пожара обнаружены с огнестрельными ранениями трупы хозяйки домовладения Филатовой, а также граждан Левченко, Алексеева и Варламова, все местные жители. С места происшествия изъяты 12 гильз и шесть пуль калибра 9 мм к пистолету ПМ»...

«В течение суток неустановленными лицами из автоматического оружия и гранатомётов произведено 13 обстрелов»....

«В населённом пункте Агишбатой Веденского района двое неизвестных вошли в домовладение Тимиргириева Л.У., главы местного самоуправления, из «пистолета Макарова» произвели в него три выстрела и скрылись. Потерпевший от полученных ранений скончался»...

«Неустановленными лицами из автоматического оружия и гранатомётов произведено девять обстрелов, погибли трое местных жителей».

В районном центре Урус-Мартан – подрыв на фугасе "Урала" сводного отряда милиции УВД Пензенской области.

Заводской район Грозного – там взлетел на воздух милицейский грузовой ЗИЛ, есть пострадавшие. Пытавшийся оказать им медицинскую помощь военный медик ранен снайпером в живот.

Временный отдел в райцентре Ведено – трижды за сутки по нему открывался огонь боевиками.

Операции в лесных массивах. Зачистки населённых пунктов. Уничтоженные боевики.

И так изо дня в день. Мясорубка войны перемалывает людей и судьбы. Но пока это далеко от меня. Пока что я всего лишь ощущаю, что на нашей земле пульсирует это тёмное пространство войны, пожирая наших сограждан, моих коллег. Но это далеко. Где-то в горах Северного Кавказа... Пока что далеко...

Лето 2000 года. Странное и беспокойное время перемен. Тогда лопались загноившиеся нарывы, хирургически удалялись распухшие во время ельцинской эпохи катастроф опухоли. Но главной и самой ноющей рана была Чечня.

Время было такое, что властям не верил никто – ни работяги, ни милицейские сержанты, ни военные генералы. Время потерь и поражений. Россия балансировала на грани полного развала. Парады суверенитетов. Первая чеченская война, закончившаяся позорным Хасавюртов-

ским миром. Чувство, что живёшь в доме, который держится на бракованном клею, а тут ещё землетрясение подоспело, и вот-вот все конструкции расколются и рухнут.

В прошлом году прогремел знаменитый рейд Шамиля Басаева. Бандиты от самодовольного ощущения собственной крутости и непобедимости совсем перестали дружить с реальностью и думали, что им удастся отколоть от Российской Федерации Дагестан. Мы тогда уныло и безрадостно просчитывали, что выпрем мы бандитское отродье в места его привычного обитания и, как обычно, опять договариваться будем с ними не пойми о чём. Ан нет. Навалились на пиратскую республику Ичкерия всеми оставшимися федеральными силами. Перемолотили всю их оборону и многочисленные силовые, считай, бандитские, структуры.

К лету 2000 года масштабные боевые действия уже были закончены. Боевики по привычке сбежали в горы и растворились по аулам, перейдя к любимому роду деятельности – стрельбе из-за угла и из зарослей. Террористическая активность была высокая. Остро стоял вопрос наведения общественного порядка, воссоздания полноценных органов власти на освобождённых территориях.

Ещё в Великую Отечественную войну это было отработано – плечом к плечу с армией в освобождённые города входили сотрудники НКВД, и тут же создавался территориальный отдел внутренних дел. И отныне там была советская власть. Был милиционер. А остальное нарастёт.

Вот и сейчас – на освобождённых от бандитов территориях незамедлительно формировались из сотрудников подразделений МВД с разных регионов страны так называемые временные отделы внутренних дел. Фактически – эдакий гарнизон, порой осаждённый. Островок и оплот русской государственности в бушующем море сепаратистского и ваххабитского беспредела.

В перспективе их должны были сменить постоянные местные отделы. Но это только в перспективе. Пока же вся тяжесть по борьбе с бандитизмом, по охране общественного порядка ложилась на плечи собранных со всей России наших ребят с шевронами «МВД».

Для мудрого присмотра за деятельностью подразделений криминальной милиции в эти ВОВД направлялись советники из Главного управления уголовного розыска МВД России.

Уезжали наши ребята. Возвращались посмурневшими. Чаше на вопрос, как оно там, отвечали – с переменным успехом. Реже – расписывали в лучших охотничьих традициях свои подвиги, от которых веяло, мягко говоря, сильными преувеличениями, а то и русскими народными сказками в стиле фильмов Александра Роу. Нам же совершенно понятно было – там нашим приходится тяжело...

Утро на работе. Пытаюсь привычно проснуться с помощью убойной дозы растворимого кофе. Из чего его делают, интересно? После него голова проясняется, но начинает гудеть, как колокол – будто кружку пива употребил.

Звонок телефона на столе. Вызывает начальник нашего отдела по раскрытию имущественных преступлений, совершенных ненасильственным путём, который в народе называют «воровской отдел». Или кражный – кому как больше по душе.

– Как насчёт командировки? – спрашивает меня начальник так ласково и настойчиво, что мне сразу становится ясно, что за командировка и в какие края.

Ожидания не обманывают. Мне, старшему оперуполномоченному ГУУР МВД России майору милиции Сергею Раскатову настоятельно рекомендуют заняться экстремальным туризмом.

Горячие точки, конечно, дело добровольное. Вполне можно отказаться – мол, больной, хворый, трусливый. Поищите кого другого. Вот только такие случаи крайне редки.

Начальник Главка всеми уважаемый Иван Филиппович Храпов сам годами не вылезал из этих горячих точек. И многое прощал тем, кто там побывал и проявил себя. Кроме того имелось такое негласное пожелание сверху – всех сотрудников центрального аппарата МВД России, а также значительную часть личного состава с территорий, прогнать через Северный

Кавказ. Чтобы знали, как Родину любить, набрались боевых навыков, да и вообще не понаслышке бы знали, что такое на практике сохранение территориального единства России.

Ну что же, расчет, в принципе, оказался верным. Многих моих коллег эти командировки ограничили, как алмаз – и профессионализм, и мораль, и систему ценностей. Мозги на место встали. Люди окончательно осознали, на чьей стороне они в этой жизни.

А некоторые спились. У других просто что-то сдвинулось в сознании, и специфические контртеррористические методы они стали использовать в родных мирных краях. Была категория людей, которые просто сошли с ума, как один герой из Калининграда, которого я видел. После нескольких командировок на Кавказ он начал с подельниками грабить и убивать людей – привык к крови на войне и не видел в ней ничего исключительного. Мол, прячьтесь, зайцы, тигр вернулся.

– Поедешь? – спрашивает меня ласково так начальник отдела.

И тут я понимаю, что возможно спрашивают тебя не о том, поедешь ли ты на Кавказ, а о том, жить ли тебе или погибнуть. В ответ только пожимаю плечами:

– Прикажете – поеду.

В общем, где наша не пропадала...

Глава вторая

Портал между мирами

Война – это параллельный мир. «Там странно все, там все наоборот, там не найдёшь ни правых, ни неправых» – поётся в песне о Чеченской войне. Вот это самая Чечня и стала для всех нас эдаким параллельным миром. А осетинский город Моздок – вратами в него. Таким вот порталом в иное измерение. Куском измененной реальности между двумя мирами.

За неделю до вылета в Моздок всю нашу командировочную шайку-лейку собрали в Главке. Назвали группой советников, которых направляли в каждый временный отдел Чечни, да ещё в руководство временной группировки. Коротко проинструктировали – как себя вести и как вернуться здоровыми и бодрыми на радость семьям и руководству.

Потом были предполётные хлопоты. Вещевой склад, где получаешь зелёный камуфляж и берцы. С усмешкой смотрел я на себя в зеркало. Ну что же, снова здравствуй, родная армия. Все же восемь лет тебе отдал в своё время. Не так и надолго мы с тобой расстались.

Извлекаешь из сейфа своё табельное оружие – ПМ. Выпендриваться и получать АПС (Автоматический пистолет Стечкина) я не стал, хотя проблем с этим не было, у нас в дежурке их завалили. Вещь в Чечне авторитетная, такие только у солидных полевых командиров. Но только тяжёлый он, зараза. И грохнуть за него могут запросто – чисто чтобы забрать эту игрушку. У горцев от вида АПС трясучка начинается алчная, они аж вибрируют от вожделения. Так что нам лишних забот не надобно – тяжело одновременно беречь себя и пистолет. Ну а коль понадобится, на месте дадут хоть пулемёт Калашникова, хоть «Шмель».

Распределение по районам – кому что достанется. Делили не места будущей работы, а судьбу. Может, именно там, куда ты просишься и где, как считается, тишь да благодать, настигнет тебя шальная пуля или осколок. А в пекле, куда желающих нет, все будет тихо и безопасно.

– Молодому бы где потише, – со смехом восклицает заместитель начальника нашего Главка на совещании, кивая на меня.

Ну вот, снова дедовщина, только наоборот. В Главке «молодых специалистов» с майорскими погонами по традиции суют туда, где безопаснее, а не наоборот.

Побезопаснее – это Шелковской район. Там и правда поспокойнее. Это старые казачьи земли, отделённые от основной территории Чечни Тереком. Боев там особо жарких не было. Боевиков вышибли относительно быстро и безболезненно, без потоков крови и разрушений.

Ну что, собрались. Упаковались. Пора в дорогу.

ГУУР тогда в Министерстве был в почёте. Не так, чтобы нас сильно баловали какими-то благами, орденами, призами и подарками, но розыск реально уважали все, начиная от кадровиков и хозяйственников и кончая штабистами, которые обычно не уважают никого и ничего, кроме плана оперативных совещаний. Поэтому для нашей советнической группы выделили аж целый самолёт. Это был винтовой АН-26, старенький, прилично раздолбанный, трясущийся, как в лихорадке, страшно шумный, с ведром вместо сортира. Спартанский такой самолёт. Медленный. Поговаривали, что раньше он принадлежал нашему бывшему Министру Куликову. Наверное, тогда он был покомфортабельнее, и сортир, и финтифлюшки разные статусные имелись. Из всего остались только мягкие удобные кресла и диванчики в салоне.

Военный аэродром Чкаловский под Москвой. Сверка полётных списков. Переключка. И толпа в камуфляже, с сумками, чемоданами, кто-то с автоматом, кряхтя, забирается по лесенке во чрево военно-транспортного самолёта. Родственников и провожающих не было.

Военно-транспортными бортами летал я далеко не в первый раз. Дагестанскую группировку между двумя чеченскими войнами посещал, было дело. Тогда был достаточно комфортабельный АН-72. И до Моздока мы летели часов двенадцать. Самолет останавливался, как рейсовый автобус, на каждой остановке, подбирал пассажиров, груз – полевую кухню, ящики со снарядами. А обратно в Москву стальная гордая птица везла ящики с осетинской водкой.

Сейчас вышло быстрее. Путь был прямой. Но тоже трюхали очень долго.

Когда самолёт взмывал над Чкаловским, наверное, у каждого в голове крутился нервный и отчаянный вопрос: «А вернёмся ли?» Но опера – народ не шибко чувствительный и не особо склонный к рефлексиям. И отлично знают, как развеять грусть-тоску. Самый простой и действенный способ – соревнования по любимому русскому народному спорту «литрболу». И пусть мои коллеги в этом деле были все же не профессионалы, а больше любители, но потенциал у некоторых был просто гигантский. Например, Муравин, похожий по комплекции и окрасу на медведя гризли – старший важняк зонального отдела, он же бывший начальника угрозыска Байконура. За своими бесконечными и довольно смешными, наполненными казарменно-милицейским юмором байками о пьянстве и космонавтах, а часто и все в одном комплекте, спокойно мог уговорить бутылочку-другую водочки и даже сего факта не заметить. Другие «литрболисты» ломались куда быстрее, а некоторые ещё были склонны к буйству и неадекватным поступкам. А под ногами десять тысяч метров. И оружия полно... Но ничего, приземлились. И даже вышли на своих ногах. Главные алкогольные разборки и чудачества нас ждали впереди.

Шасси самолета ударились о бетонку аэродрома Моздок. Раньше здесь располагалась мощная авиабаза морской и стратегической авиации, стояли в ожидании конца света стратегические бомбардировщики ТУ-95. Перед началом Первой Чеченской стратегов с их атомными начинками убрали с глаз долой и от греха подальше – на базу в Энгельсе. Напоминанием о них остались мощные капониры. Теперь же Моздок – это фактически фронтовой аэродром. А для нас тот самый перевалочный пункт, врата между пространством мира и войны.

Дышит в лицо плотная южная жара. Перед нами простирается прокалённая горячим летним солнцем взлётная полоса, на которой стоят транспортные вертолёты МИ-8 и вертолёты огневой поддержки «Ми-24. Заруливает на посадку транспортный АН-72, прозванный за смешной вид и поднятые высоко турбины «Чебурашкой». Взмывает пара «Грачей» и уходит на бомбёжку – отрабатывать засевшие в горах незаконные вооружённые формирования. Иной мир.

Садимся в автобус. И в город.

Военных в самом Моздоке много. Прифронтовая зона. Тут всё заточено под нужды федералов.

Мы расселяемся в гостинице. Потом наша сплочённая компания снимает кабак, удививший демократичными ценами и прекрасной кухней. Отрываемся по полной, и каждого так легонько, но навязчиво, долбит мысль – а не последние ли дни в этой жизни гуляем?

Многие надегустировались местным вином и осетинской водкой в дым. Ну а дальше – раззудись плечо молодецкое.

Ночью просыпаюсь от истошного вопля:

– Ах ты, шакал! А ещё в одном отделе работаем! Да я в тебя сейчас из Стечкина все двадцать патрон уложу!

В ответ – матюги, витиеватые и где-то даже изысканные.

Выскакиваем с моим соседом в коридор. Там два оперативника из розыскного отдела держат друг друга за отвороты камуфляжа. По пьяни начали выяснять отношения – слово за слово, и нате – всех двадцати патронов для друга не жалко.

Так вошли в раж, что стало понятно – вот-вот у нас начнутся первые потери. Со всеми сопутствующими разборами полётов.

Налетели всей толпой, начали растаскивать допившихся чудиков. А те лоси оба здоровенные, брыкаются, схватили друг друга крепко, как спасательный круг, и всё пальчиками шаловливыми к кобурам тянутся. Но кое-как справились с ними. Утомонили.

С утра – рейсовый бронепоезд. Им ещё с Первой войны возят команды из Моздока в Гудермес. Нам отвели из уважения аж целый вагон. Ясное дело, такое надо отметить... Через некоторое время по полу катались пустые бутылки. Народ пришёл в боевое состояние – мол, всех порубаем. Эдакие русские берсерки.

Дзинь – бронепоезд тормозит. Здравствуй, Гудермес...

Глава третья

Дела штабные

Гудермес – город не шибко большой. И не сильно разрушенный. Точнее, почти целый. На окраине только пара блочных многоэтажных домов стоит – без стёкол, с проломами стен. Это по ним артиллерия отработала. Но, благодаря Кадырову старшему, город боевики сдали практически без боя.

Гудермес временно стал центром группировки федеральных сил, хотя уже были планы перебазирования в Ханкалу. Он запружен сотрудниками МВД, военными. Некоторые доблестные воины имеют вид разудалый и пьяный. Как будто только что город взяли, белых выбили и пустились во все тяжкие – пустили все на поток и разграбление.

– Что творится у вас? – спрашиваем сопровождающего нас майора-штабиста в отутюженном фирменном камуфляже.

– Да не обращайте внимания. Дело тут привычное, – хмыкает он. – Это Питерский ОМОН гуляет. У них замена, вот на радостях и отрываються, как могут. От избытка чувств своему командиру, подвернувшемуся под горячую руку, лицо начистили. Ничего. Пересменка пройдёт – успокоятся.

В штабе группировки кипит и шкворчит штабная работа. Все мечутся. Кому-то что-то докладывают. Готовят сводки.

Рация шуршит тревожно:

– Взрыв фугаса. Есть «трёхсотые»...

Через некоторое время новое сообщение:

– Колонна попала под обстрел боевиков...

Мы шатаемся по штабу как неприкаянные и пытаемся проникнуться новыми реалиями. А они не радуют. Обстрелы, взрывы. Проводки колонн. И теперь это наши реалии.

За нами приезжают из соответствующих отделов и разбирают – ну, прям как покупатели с войсковых частей за солдатами нового призыва. В конечном итоге остаюсь я и ещё пара человек – куда-то наши будущие поделщики и сослуживцы запропастились.

В этом мельтешении ощущаю себя не в своей тарелке. Чего творится? Куда приткнуться? И вокруг все такие тёртые, бывалые, важные, чувствуют себя как рыба в воде. А ты будто под обстрелом – все косятся, губы кривят – мол, что за крендель.

В уголовном розыске докопался до меня какой-то подполковник, один из местных руководителей. Такое высокомерно-презрительный и вместе с тем напористо-болтливый – ну чисто блатной разводчик на дешёвых понтах.

– А чего вас сюда прислали? – бросает он весомо. – И зачем вы тут нужны? Какие такие советы вы давать будете, советники?

В общем, он тут как бы центровой, а мы, ма-а-асквичи такие сякие, только под ногами путаемся. Я тогда ещё сановной министерской наглости и чопорности не набрался, поэтому отшить его не решился в положенном по должности стиле – типа, тебя не спросили, твоё место сбоку в десятом ряду. К моим старшим и грубо-брутальным товарищам, гад, не вяжется – знает, каких изодранных матюгов на свою голову огребёт. Эх, тяжела она, судьба милицейского интеллигента...

Настроение, собака, испортил. А тут ещё не едут за мной. И где ночевать? В общем, настроение как в детсаду у ребёнка, за которым вовремя не пришли.

Кстати, подполковник тот потом к нам в станицу Шелковскую приезжал. Понты куда-то делись, понял, что теперь уже его игры в бывшего вояку не катят – и не таких мы повидали. А иметь недоброжелателей в ГУУР МВД России чревато для карьеры и душевного спокойствия, потому уже был весь такой сочувственно вежливый и предупредительный. В общем, артист. Я так не лицедействовать не умею.

Наконец, появился начальник Шелковского ВОВД, высокий такой, круглолицый и страшно вежливый. Представился:

– Шевкунов Николай Николаевич

Пожали мы друг другу руки, перекинулись парой слов. И по машинам.

Вижу три «Уазика» – один начальственный и два сопровождения с омоновцами. На их окнах наспех припилены бронежилеты – чтобы шальная пуля пассажиров не настигла.

Аккуратно движемся вперёд. Вокруг военные колонны. Танки и БТР. Блокпосты. Пыль. Длинные заборы частных домов. Это вернувшаяся домой Республика Чечня. По площади треть от Московской области. Она наполнена, как тыква семечками, военными, бронетехникой, террористами, оружием, взрывчаткой. Центр сосредоточения российских и даже мировых страстей. Регион, куда весь мир готов плеснуть свой бидончик керосина.

Перед нами желтые воды Терека. Разрушенные арки бетонного моста. Понтонный мост, который после вчерашних дождей немного не доходит до берега.

И вот место назначения – станица Шелковская. Здание временного отдела внутренних дел, еще недавно размещавшее отдел шариатской государственной безопасности.

В конторе царят суета и ажиотаж. Оно и неудивительно. Ведь в самом центре станицы слышится стрельба. Дежурный поднял личный состав отдела в ружье. Думал, это боевики в своей беспримерной наглости завалились в гости прямо средь бела дня.

Оказалось все куда проще. Выехавший на место патруль дает по рации раскладку. Оказывается, поддатый офицер из комендатуры района своих поддатых контрактников вывел на работу по разгрузке щебенки и подгонял их, стимулируя трудовую активность пальбой из автомата поверх голов.

Вот и начались такие странные мои будни на освобожденной от бандитов территории...

Краснодарцы

За каждый временный отдел отвечает какой-то субъект Федерации, иногда они меняются. Шелковской ВОВД комплектуется сейчас из сотрудников ГУВД Краснодарского края.

Процедура знакомства. Представители уголовного розыска, штаба, МОБ. Крепкие рукопожатия. Открытые лица. Доброжелательная атмосфера.

С этими людьми мне предстоит немало поколесить по чеченским пыльным дорогам. И мне они нравятся. Такие трудяги войны и мира.

Петрович, он же Евгений Петрович Симоненко – начальник криминальной милиции. В миру – руководитель КМ одного из районов на морском побережье, считай, на курортах Краснодарского края. Приземистый, полноватый, с оформившимся округлым брюшком. Его хитрые смешливые глаза и привычно-нахальная ироничная улыбка вполне типичны для тех, кто отдал лучшие годы жизни службе в угрозыске. Какая-то у нас присутствует такая узнаваемая профессиональная энергетика, что опер опера сразу узнает. Петрович коммуникабелен и достаточно позитивен.

Начальник УР Мишка Григорьев – сухощавый, очень моложавый на вид, подвижный, резкий и эмоциональный. С ним как-то сразу установились доверительные отношения. Он свой в доску, настоящий опер. В Краснодарском горотделе заведует агентурным отделением. А в новой ипостаси – как рыба в воде, ему даже здесь нравится. Потому что для него война не в новинку. Ещё на срочной службе полтора года оттрубил в Афгане военным водителем. Прекрасно знал на своей шкуре, что такое мерять колёсами военные дороги, километр за километром, когда справа фугас, а слева засада. Правда, Мишка находится в некотором смятении и даже грусти, но к чеченским делам это отношения не имело. Как раз перед командировкой он потерял своего руководителя и товарища – начальника уголовного розыска города Краснодара. Того расстреляли бандиты. И теперь все мысли у Мишки о том, кто это сделал и как найти убийц. Всё версии неустанно в свободное время строил. Говорил, что погибший был настоящим мужиком и опером, и отомстить за него – это такой его священный долг.

В коллектив вписался я как-то просто и органично. И впечатления от краснодарцев самые положительные. Ребята не капризные, добросовестные, не алчные. И коррупционеров, которыми якобы славится юг России, там что-то не наблюдалось.

У парней был специфический говор и едкий южный юмор на грани еврейского. Как-то говорили с одним таким масовиком-затейником по поводу порядка выдвижения на очередные мероприятия, мол, стоит ли мне в их машину забираться.

– Не, мы чужих в экипаж не берём, – лыбится опер, тщетно пытаюсь выглядеть важным. – Потому что у нас ребята, проверенные в бою. Как стрельба начинается – мы из машины, враспынную, и своим ходом каждый до отдела добирается через вражескую территорию. По минным полям и схронам...

Атмосфера такая – вечное зубоскальство, шутки, подначки, ну и просто идущие в комплекте с боевыми действиями у ментов и военных разговоры о том, где бы пожрать, выпить, ну и о девках. Нормальный военный быт.

Большинство сотрудников как-то быстро вжились в экстремальную реальность. Хотя у некоторых крышу снесло капитально. Не от того, что пули над головой свистят или фугас рядом шипит. Просто от самого факта, что ты в центре пусть и вялотекущей, без бросков грудью на вражеские доты, но всё же войны. Как её не назови – наведение конституционного порядка, контртеррористическая операция, но на деле война она и есть война. Пусть уже не в горячей стадии, как несколько месяцев назад, без лихих атак и артралётов. Но это сути не меняет. Здесь стреляют. Здесь совсем рядом враг – пусть порядком потрёпанный, но ещё имеющий силы, злость, оружие и боеприпас.

Это чувствуется сразу, как только пересекаешь границу зоны боевых действий. Будто рвёшь какую-то ленточку. И главное ощущение – рядом смерть. Она вообще в жизни идёт человеком всегда рядом. Вон, и в мирное время кирпич упадёт, дед Кондрат прихватит. От неё, костлявой, никто не застрахован. Но в мирное время она где-то прячется, присутствует незаметно. А здесь она вон, рядом, на расстоянии вытянутой руки. И не устаёт махать своей косой. Она в сводках, пестрящих информацией о подрывах и погибших. Она в ночных обстрелах. Она напоминает о своей близости холодком по твоей спине, когда въезжаешь в населённый пункт, где, по оперативной информации, хоронятся ваххабиты.

Большинство людей легко переключаются на новые реалии. Если уж сподобился согласиться на такую военную авантюру в мирное время, то уже не трус. Но когда касаешься своими пальцами ткани войны, то в любом случае сдвигается восприятие. И некоторые начинают чудить. Кто-то замыкается в себе. Кто-то распоясывается. А кто-то реально дурит.

В спальном кубрике уголовного розыска по стене идут рядом выбоины от пуль.

– Чего это? – удивляюсь я. – Бой что ли был?

– Хуже, – хмыкает начальник розыска. – У нас один дебил тут присутствовал своим бесполезным телом. Так добудет где-нибудь бутылочку горькой. Хряпнет мензурку. И орёт как оглашенный: «Мы же герои!» После чего хватается за автомат – и очередь в стену. Ну, навалили мы ему, автомат отобрали. Потом простили. А через несколько дней снова-здорово: «мы же герои!!!» На этот раз кладёт гранату Ф-1 в алюминиевую кружку и пытается сорвать кольцо. Тут ему уже навалили существенно. И спровадили по основному месту службы. Такие герои нам без надобности. Пусть у себя геройствуют, Бэтмены.

Это ещё ничего. Все хорошо, что хорошо кончается. А вот когда была пересменка, новички ещё даже дела не приняли, ни в одной зачистке не поучаствовали. Так выходит на плац офицер из вновь приехавших – кажется, дознаватель. Вытаскивает из кобуры пистолет. И пускает пулю себе в лоб. Что у него в башке было? Зачем такое творить? Иррационально вроде бы. Просто психика не выдержала реалий войны. Не выдержала самого факта, что он здесь...

База временного отдела расположена в самом центре станицы Шелковская. Расположена, надо сказать, козырно. Раньше здесь было вполне себе монументальное здание Райпотребкооперации. После освобождения станицы от бандитов укрепили его, из кабинетов сделали кубрики. Баньки соорудили – общую для всех, и ещё отдельную, с душем, для ОМОНа с СОБРОм – те как истинные куркули чисто для себя постарались. Столовка такая просторная. В общем, всё как у людей.

Я вместе с руководством обосновался в кабинете бывшего начальника райпотребкооперации. Кабинет просторный – несколько коек влезло спокойно, да ещё огромный начальственный стол. Был и предбанник для секретарши, с работающим звонком – это чтобы по движению пальца босса прискакивать. В предбаннике мои сослуживцы, в основном с побережья Азовского моря, развесили воблу и всякую другую рыбку, к которой так и просилось пиво.

В нашем спальном помещении была невиданная по тем местам и временам роскошь. Работающий кондиционер. Он помогал выжить в обрушившуюся на Чечню в тот год жару.

Пулемётные гнезда и башенка на крыше с постоянно дежурящими бойцами. Заложенные мешками с песком окна, на стене у каждого – схемы с секторами обстрела. У всех своя задача по плану «Крепость» – при нападении на райотдел или расположение – кто куда бежит, кто где занимает оборону.

Шелковской район считается относительно мирным. Бытует мнение, что боевики его считают спальным – то есть здесь они не воюют, а отлёживаются и залечивают раны, находят отдохновение душой и телом. Но все равно ждать можно чего угодно и в любую минуту. Вон, недавно БТР выезжал с территории, зацепил антенной хитро прилаженную на ветках гранату. Растяжка такая, как раз рассчитанная на то, что антенной заденут. Слава тебе, Господи, никого не ранило – повезло.

Эх, сколько лет не жил я в военных лагерях и городках. Приходится вспоминать военный быт и распорядок, с его дежурствами, хозяйственными делами.

У всех здесь вечная проблема – дозвониться до дома. Мои вообще не знают, что я в Чечне – чего нервировать их лишней раз? Связь с «материком» только в дежурке. И то по спутниковому телефону. Да и к тому поди прорвись. Пользуясь служебным положением, сперва уговаривал дежурного дать позвонить. Звонил. И нарывался на вопрос от родных:

– Ты что там, пьяный?

Спутниковая связь идёт с задержкой и растягивает слова, поэтому полное ощущение, что разговариваешь с вдрызг наклюкавшимся человеком.

В основном, пользовались мы платным пунктом связи, что рядом с расположением. Ходили туда группами – приказ меньше трёх из расположения хобот не высовывать. Звонили там все. В общем, если кто-то из боевиков имел походы к пункту связи, то мог бы получить данные о семьях практически всех бойцов.

Вообще, с защитой личных данных и секретностью в этих Кавказских войнах всегда все было через одно непристойное место. Дикие утечки шли от военных и сотрудников МВД. Разговаривал с прапорщиком бригады ВВ, который в Первую войну попал в плен. Переговоры начались, вроде договорились его обменять. И ведут его на разговор перед обменом. В палатке восседает за столом Шамиль Басаев, собственной персоной, гордый воин Ислама. Смотрит с насмешкой на прапорщика:

– Фамилия, звание?

Тот отвечает.

Перед Басаевым ноутбук. Бегаю тонкими пальцами по клавиатуре, полевой командир входит в программу, набирает данные. И прапорщик видит краем глаза, что там официальные какие-то списки. Басаев удовлетворённо кивает:

– Есть такой. Числишься пропавшим без вести. Готовьте к обмену.

То есть бандитам слили базу данных с личным составом бригады внутренних войск. А, может, и всей группировки.

А вояки вспоминают случаи, когда боевики узнавали планы наступлений раньше, чем они доводились до личного состава. Утечки были массовыми. Почему, из-за чего? Да за деньги. За эти проклятые кровавые баксы.

Как все это получалось? Кто за это ответил? Что это за бардак? За подобные вещи надо сразу к стенке ставить, но что-то о громких процессах по поводу тех, кто бандитам сливал информацию, в том числе и тактическую, я не слышал. Поговаривали, что выявляли все же таковых чекисты и, чтобы не тащить сор из избы, кулуарно и радикально вопрос решали – вот пуля прилетела, и ага. Война всё спишет.

Всегда и всем, в том числе руководству, я пытался доказать, что когда людей посылают в горячие точки, им по полной программе надо делать документы прикрытия, особенно оперативным работникам. Но это же какая сложность, сколько бланков и бумаг извести надо. Через нашу бюрократию шиш прорвёшься. В общем, дела никому нет. А ведь полевые командиры неоднократно давали указание на выявление и расправы над всеми, кто воевал в Чечне на стороне федералов. Поговаривали, что одно время чеченцы, у которых кровная месть, пытались вычислить и натравить киллеров на тех, кто воевал против них. Неважно кого – лишь бы был на их земле с оружием, и тогда кровная месть будет выполнена...

Рядом с расположением раскинулся винзавод. Работающий на всю мощь, производящий различное вино, которое распродавали втихаря. Ассортимент был не слишком разнообразный. Как сейчас помню – литр белого вина стоил двадцать рублей, а литр красного аж целых сорок. Так что со спиртным проблем не было. Хотя никто не злоупотреблял. Ребята в основной массе были настроены на тяжёлую работу. Употребление спиртного всячески каралось. Да и пьянство на войне – самый короткий путь к героической гибели.

Только один раз временный отдел упился чуть ли не в полном составе.

Чего уж скрывать, многие сотрудники согласились на командировку из меркантильных соображений. То есть из-за денег. На милицейскую зарплату особо не разгуляешься. А в зоне боевых действий исправно платили боевые. В месяц получалось что-то около тысячи долларов – для бедного мента сумма приличная. Многие мечтали урегулировать за счёт этого свои жилищные проблемы, выбраться из ставшей уже привычной, но от этого не менее тягостной, нищеты.

И вдруг в Москве кому-то пришло в голову, что слишком зажрались федералы. Много денежек уходит на них в виде этих самых боевых. Ну и решили по Тереку обрезать два якобы мирных района – Шелковской и Наурский. Там же мир, тишина и покой. Какой там был покой – об этом ниже.

Приезжает из Краснодара заместитель начальника ГУВД, кажется, по тылу. Весь такой суровый и неприступный. И зачитывает решение – мол, вы теперь не на войне, а так, прохлаждаетесь на курорте. Так что шиш получите боевые, пашите за командировочные – сто рублей в день. Но это не повод расслабляться. В общем, стоять смирно, не дышать и радоваться, что вас вообще держат в будке на поводке и позволяют лаять.

В общем, дурацкое такое выступление было. Пилюля, конечно, горькая. И с людьми так напрямик и грубо нельзя. Помягче надо. В общем, народ это воспринял как плевок в лицо. Решили, что дальше будет итальянская забастовка. Отныне ноль инициативы. Пушай кто эти деньги захапал, сам боевиков и ищет.

А тут ещё винзавод рядом. Потянулись гуськом туда гонцы. В общем, к ночи отдел упился в хлам. Гармошку вытащили, наяривать на ней стали. Чистая банда Махно. И начальство, видя, что личный состав на взводе, даже не реагировало. И мудро поступило. Бывают моменты, когда людей лучше не трогать – потом не разгребёшь последствий.

Утром народ протрезвел. Проспался. Огляделся. И вновь себя ощутил на острие борьбы. А в этих раскладах деньги никогда не были главным. А главное – это победить и выжить. И вести себя так, чтобы стыдно не было перед боевыми друзьями.

В общем, ребяташки вздохнули. Попечалились ещё немножко. И вновь закрутилась милицейская машина на всю катушку.

Правда, потом руководители все же нашли какие-то способы людям доплатить. Включали в списки боевых выездов, премии выписывали. Но у народа уже какой-то перелом в сознании произошёл. Решили, что деньги вовсе не главное. Стали настоящими людьми войны...

Очередной день начинается. Выезжают ранним утром на зачистку БТРы и "Уралы". После завтрака собираются группы и отправляются в райотдел – выполнять текущие обязанности. Колесо милицейской машины раскручивается.

А вслед уходящим с какой-то тоской смотрит Ванька – огромный, грязно белый, с бурыми пятнами пёс породы дворняга. И взгляд у него грустный, всё понимающий.

Его подобрал и пригрел квартировавший здесь Подмосковный ОМОН. Пёс освоился, стал верным хорошим другом для всех, кто в военной и милицейской форме.

А потом ОМОН снялся на передислокацию. Попал в засаду. Там была дикая неразбериха. По колонне сначала отработали из стрелкового оружия боевики, а потом вышли в эфир и затеяли какие-то мутные переговоры, так что в результате по омовцам добавили ещё и свои со всех стволов. В итоге – несколько десятков «двухсотых».

Говорят, когда начался тот бой, Ванька в центре плаца вдруг пронзительно и тоскливо завыл и долго не мог успокоиться. Почувствовал за десятки километров, что его друзей уничтожают. Это не байка. Это военная правда...

Глава пятая

Врачи без границ

– Так, товарищи. Завтра к нам с инспекцией приезжают шпионы и вредители, – объявляет на утренней летучке верзила в серой полевой милицейской форме – это начальник штаба подполковник Павлов, сидящий по правую руку от начальника ВОВД. – Собираем всех арестованных, рассаживаем в автобусы, вывозим в лес.

– А кто приезжает и зачем нам прятаться? – с искренним любопытством интересуется заместитель начальника ВОВД по общественной безопасности.

– Я же сказал, к нам с инспекцией приезжает международная организация «Врачи без границ».

– А, рвачи без границ, – с пониманием кивает начальник МОБ. – Те самые, которые за боевиков везде вписываются?

– Они самые. Любят эту рвань, как собственных родственников, – хмыкает иронически начштаба.

– Твари эти врачи. Колесят по Чечне, как у себя дома. Фотографируются на память с бандитами. Проливают над ними крокодиловы слезы в интервью Би-Би-Си. Медикаментами духов снабжают. Сколько раз этих эскулапов встречал – хоть бы одну таблетку дали русскому солдату. Мы для них не люди, – сетует почему-то обиженно начальник МОБ, как будто ждал от этих ангажированных иностранцев другого – душевности и чудо-таблеток, а они, такие сякие, обманули его в лучших ожиданиях.

– А ещё эти суки к позициям нашим присматривались, по которым потом боевики долбили, – вклинивается командир ОМОНа, хмурясь. – Типичные бандитские пособники.

– Ну и чего возмущаться? – пожимает плечами начальник штаба. – Филиал ЦРУ, вам же сказали. Никто и не скрывает этого. Но политика – ничего не поделаешь. А теперь представьте, что будет, если эти лекари-правозащитники нос к нашим задержанным сунут? А их ведь туда пустят. Мы же международному сообществу кланяемся в пояс – мол, у нас права человека, приходите, проверяйте. А тут такое...

Да, международные организации Чечню любят. Она их главный идеологический и военный плацдарм против России. Грузия и Украина пока только раскручиваются. А тут такой подарок – сепаратистская территория внутри России. Поэтому тут вечно толкуются представители десятков мутных организаций и фондов.

Это с начала девяностых здесь идёт. Тянет буржуев сюда, как мух на дерьмо. И ведь не сказать, что путешествия эти безопасные. Сколько их перебили чеченские боевики, о которых они так трепетно заботятся.

Вон, перед отъездом тщательно изучал материалы. Листал сводки и справки. 1996 год – убийство в Атагах пяти представителей Красного креста. В 1998 году был похищен Глава Представительства Верховного комиссара ООН по беженцам Коштель. Помню еще, как головы нескольких англичан, якобы монтировавших в Ичкерии сотовую связь, отрезали и разложили на снегу для красоты картинки. Эта фотка обошла потом западные СМИ, но никого за границей не вразумила... Двух американцев из института прикладной экологии, прибывших в Свободную Ичкерия для сотрудничества по языковой работе, бандиты увели с концами, как цыгане дорогих лошадей. Кстати, один из филологов являлся штатным сотрудником ЦРУ, так что кровопийцы даже своего родного куратора не пожалели. Потому как в Чечне тогда царили бардак и анархия, когда каждая банда сама за себя и никто ей не указ.

Список этот можно продолжать. Но западные эмиссары все прутся сюда. Видать, хорошо оплачиваются эти поездки, если своей драгоценной европейско-американской шкуркой люди готовы рискнуть.

Да, головная боль этот визит безграничных врачей. В камеры нашего ИВС ведь полезут обязательно. А те забиты плотно. В основном административно задержанными.

Мы пожинаем результаты ситуации, когда юридически ни войны, ни мира. Америкосы хоть Гуантамо придумали для своей «Аль-Кайды». А мы – вроде бы у нас и война, а живём по законам мирного времени. Единственно, некоторые поблажки у нас есть, сильно облегчающие наш нелёгкий труд по искоренению скверны. В районе пока ни суда, ни других органов. Только милиция, ФСБ, прокурор да комендатура – вот и вся власть. Поэтому за нарушение общественного порядка пятнадцать суток и прочие административные радости выписывает начальник временного отдела внутренних дел. Вот все отловленные боевики и их пособники и парятся месяцами за нарушение общественного спокойствия. Матом, понимаете ли, любят выражаться в общественных местах. Некоторые за этот мат прописались в камерах на два-три месяца. И, что характерно, ни одной жалобы на произвол, никто не возмущается.

Почему? Потому что защитники Ичкерии поверить не могут, что живы. Когда в начале года федеральные войска входили в республику и давили артиллерией оборонительные сооружения боевиков, практически всё мужское население бежало из населённых пунктов в леса и горы. Они были уверены, что русские станут мстить. Что мы будем их убивать так же, как они убивали русских. По их логике так и должно было быть. Такой уровень развития – в голове до сих пор у многих горцев все вращается вокруг нескольких простых понятий: «Налёт! Добыч! Нагнуть всех! Род, кровная месть! Мы самые крутые!.. Ой, надо сматываться, иначе вон те более крутые голову отрежут!»

Им до сих пор не верится, что их не убьют. И осознать не могут, что опять начинаются бесконечные амнистии. Ну, те прошлые ельцинские амнистии боевикам – это им понятно. Они же тогда, в 96-м, вроде как победили. Но сейчас победили их. Значит, будут резать... А тут и не режут вовсе, да еще обещают отпустить, у кого на руках крови нет.

Вообще, глядя сейчас на происходившее в 2000-м году с высоты лет, могу отметить, что к боевикам и их пособникам федералы тогда отнеслись достаточно мягко. Могли ведь оперативники и следователи копать дальше и глубже, и тогда, наверное, половина населения республики оказалась бы подтянутой к каким-либо преступлениям и делам. В общем, сажай всех. Можно было бы допросить каждого беженца о притеснениях и преступлениях, забить обвиняемыми в геноциде все тюрьмы. Пошли мы тогда по другому пути. Сняли то, что на поверхности было, перебили и пересажали самых одиозных бандитов. Остальных простили. Позже некоторые бывшие боевики вообще попадут на службу в органы внутренних дел Чечни, некоторые прославятся не только наведением порядка у себя дома, но и разборками и рейдерством на территории Большой России. Но всё это будет потом.

Да, многих не только простили, но и должности дали. Правильно сделали? Я однозначно тогда считал, что надо было давить жёстче и круче, заставить оплатить кровью слезы тысяч загубленных жизней русских мирных жителей, засады на федералов, обстрелы, фугасы. Но потом, глядя на успокоенный Северный Кавказ (не совсем, но с тем, что было – никакого сравнения) пойму, что Путин, скорее всего, выбрал оптимальную линию. Хотя и хотелось нам немножко другого.

Но это будущее. А пока что сидят сепаратисты и им сочувствующие у нас в камерах и не квакают. Проверяем их на причастность к убийствам и терактам. Некоторые примеряются вполне себе нормально. Отпустить их – это выдать билет в горы и ждать, когда они выкопают автомат и положат очередного солдата. Поэтому выход у нас один – везти всю эту шоблу в глухой лес.

– Ну и сколько по времени в лесу наших бандитов от этих врачей прятать? – спрашивает начальник МОБ.

– А пока это воронье не улетит, – говорит начальник ВОВД – Хоть неделю.

– Только хоть еду подгоняйте.

– Будет вам еда...

Конечно, мороки много от этих международных общественных организаций. Они все работают на западные спецслужбы и все заинтересованы в одном – раздуть пожар на Кавказе. Они такие активные и в Сербии были, и в Афганистане. Пройдет несколько лет – и всей толпой повалят в Сирию. Липкие и грязные инструменты холодной и горячей войны...

Но никого в лес нам тогда вывозить не приходится. Врачи без границ находят себе какую-то другую жертву, более лакомую, и отправляются в Наурский район.

После этого стресса работа у нас входит в привычную колею. Вон, бумаги надо выправлять. Ещё у пары боевиков пятнадцать суток кончаются. И надо срочно прикинуть, какими они матерными словами покроют сотрудников, выходя из здания ВОВД. И как все эти бесчинства похваставшись расписать в рапорте...

Глава шестая

Зачистки и выезды

Жара, пыль и коровы – вот главные впечатления о чеченских дорогах двухтысячного года.

На мероприятия, задержания обычно мы выезжаем в пять утра, чтобы заявиться пораньше нежданными гостями, пока клиенты ещё тепленькие и не разбежались. Примерно в это же время на поля и дороги вываливают стада коров. Кажется, их миллионы, и они завоёвывали планету. Они поднимают пыль и неторопливо плетутся к какой-то таинственной цели, куда их гонят пастухи.

Животноводство в равнинных районах Чечни издавна развито. Это нам только кажется, что сейчас коров много. На самом деле в девяностые годы поголовье сильно усохло – в разы, если не в десятки раз. Интересно, что на этих дорогах при СССР творилось?

Только встаёт солнце, а наша небольшая колонна – обычно два или три Уазика с занавешенными бронезилами окнами, колесит по пыльным дорогам, пробираясь через бесчисленные стада. Машина с оперативниками и сопровождение из бойцов СОБРа. Огневое прикрытие должно быть. Передвижение одной машиной категорически запрещено множеством приказов и начальственных напоминаний, которые, впрочем, часто нарушаются – до очередного расстрела на дорогах.

По трассам с рассветом начинает работать инженерная разведка. Военные с миноискателями ищут фугасы и прочие закладки. Каждое утро. Изо дня в день. Рискую нарваться на пулю или на взрыв. Сапёры, у них судьба такая, и жизнь их всегда на волоске. Их прозвали «одно-разовыми». Это творческое развитие старой поговорки о том, что сапёр ошибается один раз.

Когда едешь по дорогам Чечни, всегда тебя слегонца обдувает потусторонний холодок – от близости фугасной смерти.

Как поётся в хорошей песне «Ментами не рождаются»:

«Кому награды рассыплю,

А нам так чаще мимо.

Но если есть ты, Господи,

Спаси нас от подрыва».

Это ощущение близкого подрыва, затаившегося фугаса, который снесёт с дорожного полотна твою машину, как волна щепку, не покидает никогда. А ещё жжет мысль, что шкура твоя не может похвастаться пуленепробиваемостью.

Самое обидное на войне – это быть мишенью. Когда идёт боестолкновение, ты стреляешь, в тебя стреляют, или даже когда в рукопашную там – это как бы честный бой, у всех примерно равные шансы. А вот когда тебя из-за кустов выцеливают, и ты просто кабан на мушке – это самое неприятное. Другое дело, когда ты охотник. Это уже другая весовая категория.

Стрельба и взрывы идут по всей Чечне. Раненые, убитые – кажется, конца и края этому не будет.

Ну что же, такая работа. Лёгкой жизни никто не обещал. Как и лёгкой смерти.

Машины крутятся по улицам Шелковской, выбираясь на оперативный простор. На переднем сиденье скучает Борода – отлично прижившийся на войне опер, приветливый и крепкий парень, бывший десантник, прекрасный гитарист. От него впервые услышал песню «Батальонная разведка», ставшую у нас самой любимой, фактически полковой (или отдельской – как правильно будет сказать). И исполнял он её так, что дрожь пробирала.

Не утихает в салоне Уазика вечный балаган.

– Вот большой, а ума не нажил! – возмущается Макс в ответ на очередную колкость.

Это два неразлучных друга, можно сказать брата – Балу и Макс. Первый как две капли похож на диснеевского медведя Балу – и по телосложению, и по лицу, и по характеру. Такой же здоровенный, бесшабашный, добродушный, легкомысленный, язык без костей, записной юморист, в общем, прирождённый артист разговорного жанра. Макс – его полная противоположность – невысокий, худой, язвительный, собранный и дисциплинированный трудоголик, вечно всем недовольный, вечно всё не по нему – мол, вокруг одни раздолбаи, службу не знающие. Эти двое, несмотря на то, что лучшие друзья, мелко скандалят, базарят и пикируются друг с другом весь день без перерыва на обед. Балу просто невозможно заткнуть с его подначками, а Макс все время злится и облаивает его в ответ. За ними надо записывать, поскольку в этих перепалках порой такие перлы встречаются.

Эта парочка отвечает за розыск преступников и без вести пропавших. Макс работу организовал на пять баллов. Поднял старые и новые документы, розыскные бюллетени, приобрёл источники оперативной информации. И стал давать стране угля. Постоянно идут задержания накуролесивших в Чечне или Большой России убийц, дезертиров, грабителей. Хоть ребята и пообещали забастовку, когда их прокатали с деньгами за боевые, но уже не следующий день снова – выезды, новая информация. Потому как это не работа за деньги, а образ жизни.

С каждым днём отдел внутренних дел все меньше напоминает осаждённую крепость и все больше походит на стандартный правоохранительный орган субъекта Российской Федерации. Патрулирование, сигналы, выезды. Принятие заявлений от граждан по правонарушениям и преступлениям.

Кстати, заявлений полно. Точнее, просто девятый вал. Складывается впечатление, что во времена бандитской оккупации люди копили претензии и обиды друг к другу, чтобы по приходу федеральной власти вывалить это все на её представителей и заставить разбираться. Кто-то у кого-то мотор от трактора украл, у кого-то корову увели, кто-то кого-то оскорбил. Как правило, всё это дрязги, мелочёвка на грани административки. Серьёзных общеуголовных преступлений тут немного. Все, кто имел тягу к бандитизму и хищениям чужого имущества, в своё время очень уютно пристроились в силовых структурах Свободной Шариатской Ичкерии и крупных бандформированиях, занимаясь грабежами и убийствами вполне официально. Но это уже песня другая. И разговор с ними особый.

Кстати, при советской власти на Северном Кавказе была очень маленькая уголовная преступность – сильное традиционное общество, все вопросы старались решать на авторитетах старейшин, без привлечения правоохранительных органов.

Хоть и начинает заедать сотрудников ВОВД привычная бытовуха и мелочёвка, но все равно – борьба с террористами и бандформированиями, розыск их, пресечение деятельности остаются на первом месте. Поэтому изо дня в день – зачистки населённых пунктов, проверка паспортного режима с задержанием всех подозрительных лиц, блокпосты, на которых тоже проверки и задержания. Боевики должны ощущать, что нет для них в республике безопасных мест.

Работа, работа.

Уже сложилась и отладилась система по выявлению боевиков. Что-то у задержанного на блокпосту при личном обыске найдётся – или троны заваливаются, или запах пороха по ноздрям

ударит, или пресловутые синяки на плечах от прикладов засветятся. Кого-то срисуют наши бойцы в населенном пункте по дёрганному поведению. Кого-то на зачистке из подвала вытаскивают. Кого-то агенты или просто недоброжелатели сдадут. Худо-бедно камеры задержанных и изолятор временного содержания у нас не пустуют.

Зачистки населённых пунктов – это прерогатива МОБ. Обычно начштаба Павлов их организует. Меня он на мероприятия отказался брать категорически:

– Да ты чего! Если тебя, представителя МВД, там грохнут, с меня же потом шкуру спустят!

Ну и ладно. Не очень хотелось. Ведь это самое скандальное и непредсказуемое мероприятие. Обычно сопровождается криками, визгами, скандалами. Тут чеченцы часто себя как цыгане ведут. Основные боевые единицы по доброй традиции – тётки с детьми. Знают, что на них рука не поднимется у русского солдата.

На этом мы ещё в первую чеченскую споткнулись. Когда вводили войска, первые существенные потери начались, когда женщины с детьми перекрывали дороги, а из-за их спин боевики палили по солдатам. Такая вот горская хитрость. И безотказно действует – что менты, что военные непременно в такой ситуации теряются и не знают, что делать. Тут спецназ ВВ только умеет ситуации разводить. Там народ на всю голову отмороженный, они сразу палить начинают – сперва в воздух, а потом как придётся. Вот так врежут по толпе и не поморщатся. А война все спишет. В общем-то, правильно делают. Иначе «мирное население» совсем бы распоясалось.

Но тыфу, тыфу, чтобы не сглазить. Пока особых эксцессов в районе не было. Население не возмущается особо. С зачисток неизменно привозят задержанных. Обходится без скандалов, стрельбы... До поры до времени. Самое главное нам ещё предстояло, но мы об этом не знали.

Один из главных направлений деятельности ВОВД – разоружение населения. Смертельного железа тут скопилось немеряно. Вот и придумывают наверху разные способы его изъятия. Додумались уже и до выкупа стволов. И действует – правда, по большей части, местное население тащит не системы «Град», а старый ржавый хлам времён Турецких войн, за который неизменно получает столько денежек, что спокойно можно прикупить новый автомат.

И вот нововведение – боевики, явившиеся с повинной и принёсшие автомат, если в отношении них нет сведений о совершенных тяжких преступлениях, подлежат амнистии. Этот шаг нам видится весьма сомнительным. Освободить мерзавца, который стрелял по нашим войскам и по нам из засады, потому что он притащил и сдал на металлолом ржавый ствол – это как-то неправильно. Но бандюки вовсю пользуются этим и получают справки, что к ним претензий у органов нет...

«Службой участковых инспекторов Шелковского ВОВД изъята граната «РГД-5», – читаю я очередную сводку.

Граната – это хорошо.

Постоянно проводятся мероприятия по изъятию оружия. Отчётность наша любимая российская висит вечно как топор над шеей: «а сколько у вас изъято стволов и почему меньше, чем в прошлом месяце?» Показатели должны расти, как ВВП развитых стран, иначе ты попадаешь в отстающие, тебя песочат, матерят и лишают премий. Результат по изъятиям требуют с каждой службы. Притом важно изъять само оружие, а не установить и привлечь к ответственности его владельца. И тут появляются возможности для очковтирательства.

Эта самая РГД-5 – я её вижу уже которую неделю. Это участковые изгаляются. Нашли гранату, а потом изымают её каждые три дня. Пишут, что уничтожили, и опять изымают. И по отчётам проходит постоянно – изъято. Уголовный розыск такой фигнёй не занимается. У нас и так есть, чем отчитаться.

Наш ОУР быстро и глубоко врастает в местную ситуацию. Что такое угрозыск? Это, прежде всего, оперативная информация. Вот и собираем её по крупицам – от задержанных боевиков, от местных, которые порой с огромным удовольствием закладывают друг друга. От

военных и ФСБ тоже что-то перепадает. Так что наши машины в гаражах не простаивают – вечные выезды на проверки информации.

Создаём агентурные сети, подбираем источники. Копаемся в бумагах отдела шариатской безопасности, который занимал это здание до нашего прихода. Там тоже много интересного. Например, картотека проституток Шелковского района. Их оказалось неожиданно много для мусульманской территории. Вот опера и выдёргивают их по одной, по опыту зная, насколько ценными, осведомлёнными источниками могут быть эти дамы с низкой социальной ответственностью, да ещё с учётом того, что они в своём беспокойном бизнесе и в полной приключений жизни во всем зависят от благорасположения милиции.

С Гудермеса пришла ценная указивка – для более эффективной обработки оперативной информации и реагирования на неё отсылать туда постоянно секретные меморандумы оперинформации, полученной от источников. Ну, мы и шлем. Забываем всё сколь-нибудь значимое, касающееся боевиков и террористических вылазок, из агентурных записок и рапортов кратковременного оперативного контакта.

Из-за того, что требуют с нас эту информацию постоянно и в товарных объёмах, приходится вместе с реальными фактами собирать разные сплетни, а то и сенсации высасывать из пальца. Ну, это всё заканчивается тем, чем и должно по всем незыблемым законам бюрократической системы. То, что мы отправляем в Гудермес, приходит к нам обратно в виде уже их информации и указаний принять срочные и жёсткие меры. Поэтому мы уже начинаем осторожно фильтровать сообщения наверх, чтобы потом не оказаться исполнителями своих же сомнительных инициатив. Тут бы самим себя не наказывать.

Каждое утро в ВОВД приходят циркуляры, пачки шифротелеграмм со строгими указаниями, горячей оперативной информацией, требованием принять меры. Некоторые мотивы в них звучат изо дня в день в неизменном виде.

Например, «имеется оперативная информация о готовящихся провокациях со стороны незаконных вооружённых формирований. Руководителями бандпополя готовятся силовые акции в отношении мирного населения с массовыми убийствами, которые должны будут исполнить переодетые в российскую военную форму боевики под видом российских военнослужащих. Цель – вызвать народное недовольство и резонанс в зарубежных средствах массовой информации». Интересно, что точно такие же докладные шли и во время Великой отечественной войны на той же Украине – «бандеровцы одеваются в советскую военную форму и готовят провокации с целью вызывать недовольство населения»... Кстати, приём этот действенный, не раз использовался на практике на протяжении столетий. Так что шанс на такое развитие событий есть. Но только почему-то таких вылазок всё не происходит и не происходит. А телеграммы все идут и идут.

Очередная шифротелеграмма. Начальник розыска Мишка Григорьев протягивает её мне и говорит:

– Ну и чего делать?

Там черным по белому написано, что боевики в составе двух сотен человек вошли в ногойское селение Сары-Су и готовят оттуда наступление. Две сотни человек – это очень много. Это отделом не справится, придётся проводить масштабную войсковую операцию с артиллерией и самолётами. Да и эти Сары-Су проблемный населённый пункт, там боевики ощущают деятельную поддержку мирного населения.

Григорьев нервно барабанит пальцами по столу. Потом отчаянно машет рукой:

– Надо проверять. Поехали на разведку.

– Поехали, – киваю я.

На трёх машинах – розыск с СОБРОм, двигаем в сторону Сары-Су.

Равнинная местность. Какие-то поля, камыши, степи. Вот и долгожданное село.

Мягко говоря, ощущаем себя неуютно. По большому счёту, сегодня мы смертники. Если в селе на самом деле две сотни боевиков, и они догадались выставить скрытое охранение и наблюдение, тогда нас просто расстреляют с замаскированных огневых точек. В общем, падём смертью храбрых. Продырявят нас, как мишени в тире. И как-то не шибко такого хочется. Начинаешь острее воспринимать мир и понимаешь, что он прекрасен, и ты не против ещё тут задержаться на лишние несколько десятков лет.

Останавливаемся на окраине села. Собровцы занимают огневые позиции, напряжённо оглядываясь и ожидая, когда же тишина расколется звуками выстрелов. Но движуки вроде никакой. Сплошное умиротворение и спокойствие.

Осторожно двигаем в село. На улицах пусто – вообще не души. И как-то нам здесь не по себе. Может, затаились злыдни? А нас на мушке держат? Щетинимся автоматами и ручными пулемётами. Пытаемся сориентироваться.

Проходят мимо нас шаркающей развязной походкой двое местных ногойцев. Раскосые глаза прожигают незваных гостей насквозь. Что-то добродушия в них не видно. Неудивительно – среди ногойцев полно ваххабитов. А Сары-Су – ваххабитский заповедник.

Протрещал по дороге новенький синий трактор, на котором гордо, как на скакуне, вышагает гордый сын степей. Эти трактора – подарок России. На освобождённые территории в сельхозпредприятия их загнали много тысяч. Мол, русская власть добрая, даёт возможность честным труженикам работать и процветать. Шаг, в принципе, мудрый. Работа и возможность зарабатывать порой действует куда лучше агитации, пропаганды и угроз дубиной.

Прошерстили мы весь посёлок. Выдернули пару жителей на разговор. И ничего не нашли.

В общем, сто процентов – никаких тут боевиков нет и пока не предвидится.

Теперь можно перевести дух, унять дрожь. Вытереть пот со лба. И поблагодарить все высшие силы, что не нарвались мы на засаду, нас не начинили свинцовыми примочками.

– Возвращаемся, – кивает начальник розыска.

Через некоторое время мы на базе. И Григорьев то ли с радостью, то ли с разочарованием говорит:

– Пустышка. Провокация. Вот хитрозадые твари!

Это любимая фишка наших противников. Боевики и их пособники отлично освоили искусство создания информационного шума, таких вот назойливых помех. Так, специально распространяют слухи о том, что готовятся массовые выступления, перемещения банд, теракты. Естественно, это доходит до органов. Принимаются соответствующие меры. И ни шиша не происходит.

В результате оттягиваются силы с действительно важных направлений. Федералы просто устают раз за разом отрабатывать дезинформацию, теряют бдительность. И возникает эффект мальчика, который все время орал «волки», когда волков не было. А когда волки пришли на самом деле, то ему никто не поверил.

Конечно, боевики не успокаиваются. Так что в это Сары-Су мы наведывались ещё не раз – слава Богу, всё с тем же результатом.

А работа по Чечне идёт. Каждый день ложатся сводки по району и республике. В нашем районе у боевиков изъяли легкомоторный самолёт. В горной Чечне в гараже нашли «Феррари» – гоночный автомобиль стоимостью под миллион баксов. Интересно, как они колесили на нём по горным дорогам? Может быть, как памятник понтам держали и за деньги показывали?

Задержан КАМАЗ с полутонной анаши. Товар это лёгкий, так что КАМАЗ был забит под завязку.

Работа идёт...

Глава седьмая

Шервудский лес

– Етить! – издаёт какой-то нечленораздельный звук водитель нашего Уазика, ударяя по тормозам.

Мы едва не впиливаемся лбами в лобовое стекло и спинки сидений. Но даже времени нет, чтобы выругаться и высказать водителю о том, что деревянные шпалы в КамАЗе аккуратнее возят, чем он людей в легковушке.

Перед нами в нескольких метрах вспухает пыльный цветок и бьёт по ушам оглушительный раскат взрыва.

Ну, все, теперь не зевать. Обычно вслед за взрывом фугаса из «зелёнки» начинают лупить автоматчики. Так что водитель вжимает педаль газа, машина объезжает воронку и устремляется вперёд.

Выстрелы следом не звучат.

Через некоторое время лесной массив позади. Мы живы. Страха нет, а какой-то странный азарт. Даже хочется продолжения. Тягостные чувства охватят нас вечером. Это так называемый отсроченный страх. Когда начинаешь представлять, на какой тонкой досточке над пропастью ты стоял. Не нажми водитель на педаль, взорвалось бы бомба под днищем – и ты бы погиб. Под всеми мечтами, стараниями, успехами, которые мы лелеем, к которым стремимся, была бы подведена жирная черта.

– Вырвались, – выдыхает водитель. – Этот чёртов Шервудский лес!

Дальше непереводимые идиоматические выражения.

В оставшемся за нашей спиной лесном массиве пошаливают бандиты, у них там какие-то лёжки, укрытия, схроны. Потому и прозвали его Шервудским лесом, где по легендам скрывались от беспредельных английских властей вольные стрелки. Только вот на Робин Гудов местные лесные обитатели никак не тянут. Им Джек Потрошитель по духу ближе и роднее.

Возвращаемся на базу. Начальник розыска, выслушав меня, с пониманием кивает и спрашивает:

– Тяпнешь стаканчик?

Он по своему опыту знает, как оно на душе после подобных приключений. Знает, что от отсроченного страха помогают рюмочка водочки или стаканчик вина грамм так на триста-пятьсот.

Я киваю, проглатываю красное вино.

– Хорошо пошло? Легче? – спрашивает Григорьев, за компанию отхлёбывая продукт местных винных производителей.

– Да мне и так не особо тяжело, – усмехаюсь я.

Вино вообще не действует. Ну и ладно. В общем-то, я уже привык к такому состоянию после встрясок. Ну, лежит на душе такая холодная лягушка, однако внешне это никак не проявляется. Да и не терзает она меня слишком. К реалиям войны рано или поздно привыкаешь. На каждый несостоявшийся подрыв тратить нервы – тогда уж тебя точно надолго не хватит.

– Ладно, спать пора, завтра работа, – поднимаюсь я.

– Пошли, – кивает Миша Григорьев.

На следующее утро просыпаюсь довольно бодрым.

Начало следующего рабочего дня. На стол ложатся новые сводки, сообщения о совершенных и раскрытых преступлениях. Бандиты не успокаиваются. Им нужно все время поддерживать точку кипения. Они как бешеные псы уничтожают и своих соотечественников, даже лиц духовного звания, которые высказываются против ваххабитской и бандитской власти.

«В июне 2000 года около 1.30 ч. двое неизвестных лиц проникли в дом имама Урус-Мартановского района Идрисова, 1929 г.р., произвели 4 выстрела из пистолета ПМ. От полученных ран хозяин домовладения скончался на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.